

Анализ социально-демографических данных сотрудников УИС, совершивших преступление коррупционной направленности, позволяет создать некоторый портрет личности преступника. Учитывая те обстоятельства, что характер преступлений определяется возрастными особенностями лиц, их совершавших, а возраст сотрудников имеет помимо социального еще и правовое значение, выделяется средний возраст коррупционера уголовно-исполнительной системы.

Среди сотрудников УИС, привлеченных к уголовной ответственности, превалирует доля лиц среднего и старшего возраста (64,1 %), что, по нашему мнению, объясняется тем, что в абсолютном большинстве данные правонарушения совершают лица, занимающие руководящие должности. При этом большее количество преступлений коррупционного характера совершают выпускники гражданских учебных заведений (43,9 %) и сотрудники, прошедшие обучение в учебных центрах УФСИН (36,8 %). Наименьший процент (19,3 %) составляют лица, окончившие учебные заведения ФСИН России, что, по-видимому, объясняется лучшей адаптационной способностью к профессиональной деятельности. Кроме того, иммунитет к коррупционным преступлениям объясняется и наличием династий: около 1/3 обучающихся имеют родственников, служивших или служащих в УИС.

Средний показатель выслуги лет составляет 7,9 года. В то же время нельзя не обратить внимание на тех лиц, которые имеют небольшой стаж работы (до трех лет), их удельный вес составил 27,7 %. Изложенное свидетельствует о необходимости при проведении профилактических мероприятий обращать особое внимание как на сотрудников со значительной выслугой лет, так и на лиц, только приступивших к работе в учреждениях и органах УИС.

Абсолютное большинство коррупционных преступлений совершается в исправительных колониях (80,4 %). Второе место в ранжированном ряду занимают уголовно-исполнительные инспекции (8,7 %), третье – следственные изоляторы (7,3 %), четвертое – лечебные исправительные учреждения (2,2 %), пятое – образовательные учреждения ФСИН (1,4 %).

Необходимость совершенствования работы с кадровым резервом подтверждается и такой характеристикой, как наличие специальных званий у лиц, совершивших коррупционные преступления. Среди них превалируют лица, имеющие звания среднего и старшего начальствующего состава (77,9 %). Сопряжение показателей характера службы и категории начальствующего состава свидетельствует об их взаимообусловленности: занятие более высокой должности влечет присвоение более высокого специального звания.

Согласно результатам выборочного исследования значительную долю правонарушений, допущенных сотрудниками УИС при исполнении наказаний, составляет попытка передачи запрещенных предметов осужденным (48,0 %). Второе место занимает предоставление различного рода льгот осужденным (30,4 %), третье – незаконное представление к условно-досрочному освобождению (15,6 %), четвертое – незаконное предоставление свиданий (5 %), пятое – содействие побегу (0,5 %) и незаконный перевод в колонию-поселение (0,5 %).

Таким образом, социально-демографический портрет личности сотрудника-коррупционера можно представить в следующем виде. В большинстве случаев это сотрудник в возрасте 35,5 года службы режима и надзора из числа руководящего состава ИУ, средний срок службы которого составляет 7,9 года. Характер совершенных преступлений презюмирует определенное должностное положение и предопределяет требования к высокому профессиональному уровню (83,3 % имеют высшее и среднее профессиональное образование).

Несмотря на принятое антикоррупционное законодательство (Национальный план противодействия коррупции, ФЗ «О противодействии коррупции», Указ Президента РФ «Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции»), в уголовно-исполнительной системе прослеживаются неблагоприятные тенденции увеличения должностных преступлений коррупционного характера.

Сотрудники, уличенные в коррупционных деяниях, не в состоянии добровольно отказаться от преступной деятельности, а проводимые оперативным составом индивидуальные беседы часто не дают положительных результатов. С целью уйти от изобличения эти сотрудники, а также преступники, находящиеся в исправительных учреждениях и на свободе, принимают соответствующие меры по изменению своей тактики, стремясь извлечь из преступной деятельности максимальную материальную выгоду. У этих лиц формируются индивидуалистические противоправные установки, лживость, безынициативность, незаинтересованность в исполнении служебного долга.

Часто коррупция проникает в те места и структуры, которые, казалось бы, должны бороться с ней. Для того чтобы искоренить преступность в государственных органах, которые работают с законом, защищают закон, надзирают за его исполнением, необходимо прежде всего улучшить кадровую политику государства. Эффективность борьбы с коррупцией определяется не количеством принятых законов, а практической реализацией правовых навыков и четкой координацией антикоррупционной деятельности. В противодействии коррупции важно не только создать правовой механизм, но и правильно его применять.

УДК 343.225.5

Т.М. Фицук

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АФФЕКТА В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Уголовно-правовая оценка преступного посягательства, совершенного в состоянии сильного душевного волнения, в законодательстве зарубежных государств существенно отличалась в различные исторические периоды.

Наиболее известные кодификации рабовладельческого права (Законник Хаммурапи, Законы Драконта, Законы XII таблиц) не содержат предписаний об учете эмоционального состояния причинителя вреда. Однако отдельные указания о влиянии сильного душевного волнения на уголовную ответственность встречаются в сочинениях римских юристов. Так, один из корифеев римской юриспруденции Юлий Павел отмечал, что убийство в порыве законного горя (например, убийство жены, застигнутой при прелюбодеянии) должно влечь смягчение наказания.

В период феодализма европейская законодательная и судебная практика отличалась определенной противоречивостью в вопросе учета сильного душевного волнения в момент преступного посягательства. В одних случаях оно являлось основанием для

освобождения от уголовной ответственности, в других влекло смягчение наказания, в третьих не учитывалось вовсе. В частности, А.Ф. Кистяковский, иллюстрируя последний из названных подходов, в «Исследовании о смертной казни» приводил данные о ее фактическом применении в отношении малолетних детей за удушение в гнев. Вместе с тем Каролина (Уголовно-судебное уложение Карла V) – памятник германского общеимперского права XVI в. – в качестве смягчающего ответственность обстоятельства указывала совершение преступления в запальчивости и гневе. Согласно ст. 137 Каролины причинение смерти в запальчивости и гневе при отсутствии иных установленных законом привилегирующих оснований исключало наказание в виде позорной и мучительной казни. Применение насилия в отношении лица, аморальное поведение которого (в частности, блудодеяние (развратные действия) с женой или дочерью обвиняемого) спровоцировало совершение посягательства, допускалось законом и полагалось правомерным (ст. 142 Каролины). При этом ввиду сложности дифференциации смягчающих ответственность состояний правовая оценка значимости провоцирующих поводов для квалификации содеянного осуществлялась на основании особого заключения законовевов.

Уголовное законодательство европейских государств XVII – середины XVIII в. (Уголовный кодекс Христиана V 1683 г., Уголовное уложение Швеции 1734 г., Бельгийское уголовное уложение 1867 г., Терезиана 1768 г. и т. д.), по существу, следовало сложившимся традициям германского либо французского права в регламентации наказуемости посягательств против личности.

Деятельность, связанная с детальным нормативным регулированием уголовной ответственности лиц, действовавших в состоянии сильного душевного волнения, активизировалась в конце XVIII – начале XIX в. в связи с развитием психологической и уголовно-правовой науки и потребностями правоприменения. Это привело к закреплению положений об аффекте в уголовном законодательстве практически всех европейских государств. Например, согласно ст. 321 УК Наполеона 1810 г. признавались извинительными умышленное убийство, нанесение ран и ударов, если они были вызваны насилием над личностью. Доказанность извинительного факта обуславливала смягчение наказания (ст. 326 УК Наполеона).

Современное зарубежное уголовное законодательство характеризуется наличием нескольких подходов к правовой оценке деяний, совершенных в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Один из них заключается в применении к аффектированным посягательствам правил, установленных для квалификации содеянного в состоянии уменьшенной вменяемости. Это обусловлено аналогичностью их юридического критерия: субъект не в полной мере способен осознавать значение своих действий или руководить ими (УК Дании, УК Франции).

Иная позиция находит свое выражение в том, что состояние аффекта учитывается как самостоятельное смягчающее ответственность обстоятельство. Так, по смыслу п. 3 ст. 88 УК Республики Сан-Марино обстоятельством, ограничивающим возможность осознавать фактический характер содеянного и руководить своими действиями и, как следствие, являющимся основанием для снижения наказания, может быть состояние гнева, спровоцированного действиями других лиц.

Третий подход состоит в прямом законодательном закреплении положений, определяющих сферу уголовной ответственности за совершение аффектированных посягательств (УК Республики Польша, Республики Болгария, Латвийской Республики, Эстонской Республики, Украины, Российской Федерации, ФРГ, Испании, Швейцарии и др.). При этом состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения определяется через критерии психологического и нормативно-этического плана. Содержание психологического критерия составляет законодательное предписание о совершении преступления субъектом, находящимся в особом эмоциональном состоянии – состоянии физиологического аффекта. Нормативно-этический критерий находит свое выражение в так называемой извинительности аффекта и предусматривает то, что сильное душевное волнение должно быть оправдано наличием внешних провоцирующих обстоятельств.

Формы виктимного поведения потерпевшего, послужившие причиной совершения преступления, как правило, устанавливаются законодательно. Таковыми являются насилие, тяжкое оскорбление, систематическое издевательство, жестокое обращение с обвиняемым либо его близкими (в том числе имеющее пролонгированный характер). Вместе с тем УК Республики Польша и УК Швейцарии, не детализируя конфликтную ситуацию, вызывающую аффект, указывают лишь на наличие извинительных обстоятельств. В этом случае единообразное применение закона обеспечивается путем его толкования высшей судебной инстанцией страны. Так, согласно официальному толкованию, данному Федеральным судом Швейцарии, сильное душевное волнение должно характеризоваться такой психотравмирующей ситуацией, при наличии которой любой человек может быть доведен до состояния аффекта.

Сходные правила применяются в английском уголовном праве. Закон «Об убийстве» 1957 г. (ст. 3) устанавливает ответственность за умышленное лишение жизни другого человека, совершенное под влиянием провокации (действием, словом либо тем и другим одновременно), в результате чего обвиняемый утратил самоконтроль. При этом присяжные заседатели, к ведению которых законом отнесен вопрос об установлении характера провокации, должны проанализировать виктимные действия потерпевшего с точки зрения их интенсивности и достаточности для того, чтобы заставить разумного человека поступить так, как поступил обвиняемый. Примечательно, что законодательство Великобритании не ограничивает виктимное поведение потерпевшего лишь противоправными и аморальными поступками. В исследовании А.А. Малиновского, посвященном сравнительному правоведению в сфере уголовного права, упоминается судебный вердикт, согласно которому плач младенца был признан провокацией убийства, совершенного отцом, не сумевшим на протяжении длительного времени успокоить плачущего ребенка и накрывшим его с головой одеялом, что в последующем повлекло наступление смерти от асфиксии.

Отметим также, что английская уголовно-правовая доктрина исходит из юридической конструкции тяжкого убийства, являющегося основным составом. Иные виды лишения жизни, в том числе простое умышленное убийство, рассматриваются как производные от него. Согласно прецедентному праву Великобритании состав простого умышленного убийства охватывает случаи причинения смерти при определенных смягчающих обстоятельствах, к которым, в частности, относится провокация со стороны потерпевшего, повлекшая аффективно-агрессивную реакцию виновного.

Как видим, современное уголовное законодательство большинства европейских государств рассматривает состояние аффекта как самостоятельное смягчающее ответственность обстоятельство, учитываемое при назначении наказания, либо как обязательный признак субъективной стороны привилегированных составов преступлений против жизни и здоровья.